

РОССИЙСКО-ПАКИСТАНСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ СВЯЗИ

© 2023

М. Т. Степанянц¹

Пакистанские философы инициировали общение с коллегами из СССР до двухстороннего мартовского соглашения 1961 г. по развитию двухсторонних экономических связей, за которым последовало развитие научно-технических и культурных контактов во 2-й половине 60-х гг. За два месяца до упомянутого соглашения Институтом философии АН СССР было получено приглашение принять участие в работе Пакистанского философского конгресса (11—14 января 1961, Карачи). Автору данной статьи посчастливилось быть членом делегации. Он делится своим личным опытом встреч с пакистанскими философами и интеллектуалами на Восьмом и Двенадцатом философских конгрессах (1965, Лахор), на праздновании 100-летнего юбилея знаменитого Восточного колледжа (Lahore Oriental College), на международных конференциях, конгрессах и форумах в Великобритании, Греции, Египте, Иране, Канаде, США, СССР... При этом выделены две фигуры: основатель Пакистанского философского конгресса, создатель всемирно известной многотомной энциклопедии исламской философии Мухаммад М. Шариф и сенатор Джавед Икбал, сын Мухаммада Икбала, получивший блестящее философское и правовое образование (Университет Кембриджа), член Верховного суда Пакистана, член Сената (Верхней палаты парламента Пакистана).

Особое место в статье уделено поэту-философу Мухаммаду Икбалу, который был и остается для пакистанцев «духовным отцом». Значимость его проекта реконструкции религиозной мысли ислама позволяет считать его самым просвещенным мыслителем XX века, влияние идей которого сохранится и будет возрастать в трансформирующемся мире в целом и мусульманском в особенности.

Ключевые слова: Пакистан, философия, конгресс, Россия, Мухаммад Икбал, реконструкция

Для цитирования: Степанянц М. Т. Российско-пакистанские философские связи. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3. С. 263–269. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-263-269

RUSSIA-PAKISTAN PHILOSOPHICAL RELATIONS

Marietta T. Stepanyants

Pakistan philosophers had initiated communication with the colleagues in the USSR before March 1961 agreement on the development of bilateral economic ties, followed by the development of scientific, technical and cultural ties in the 2nd half of the 60s. Two months before the above-mentioned March agreement, the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of the USSR received an invitation to participate in the work of the Pakistan Congress of Philosophy (January 11–14, 1961, Karachi). The author of this article was fortunate to be a member of the delegation. She shares her personal experience of meeting Pakistani philosophers

¹ Степанянц Мариэтта Тиграновна, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель наук РФ, главный научный сотрудник Института философии РАН, Москва; marietta_35@mail.ru

Marietta T. Stepanyants, Doctor of Philosophy, Professor, Honoured Scholar of the Russian Federation, Principal Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow; marietta_35@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6176-5718

and intellectuals at the Eighth and Twelfth Philosophical Congresses (1965, Lahore), at the celebration of the 100th anniversary of the famous Lahore Oriental College, at international conferences, congresses and forums in Great Britain, Greece, Egypt, Iran, Canada. At the same time, two figures are singled out: the founder of the Pakistan Congress of Philosophy, the creator of the world-famous encyclopedia of Islamic philosophy - Muhammad M. Sharif and the son of Muhammad Iqbal Senator Javed Iqbal, who received a brilliant philosophical and legal education (University of Cambridge), a member of the Supreme Court of Pakistan, a member of the Senate (Upper House of Parliament of Pakistan).

A special place in the article is given to the poet-philosopher Muhammad Iqbal, who was and remains a “spiritual father” for Pakistanis. The significance of his project to reconstruct the religious thought of Islam allows us to consider him the most Enlightened Muslim thinker of the twentieth century, whose influence of ideas will continue and will increase in the transforming world in general and the Muslim world in particular.

Keywords: Pakistan, philosophy, congress, Russia, Muhammad Iqbal, reconstruction

For citation: Stepanyants M. T. Russia-Pakistan philosophical relations. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 3. Pp. 263–269. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-263-269

У становление дипломатических отношений — первый шаг, за которым следует развитие отношений во многих сферах общественной жизни, приоритетное место в которых занимают торговля, экономика и политика, вплоть до военного сотрудничества. Далее следуют наука, образование, культура. Далекое не всегда политики осознают значимость понимания общественного сознания, формируемого историческим опытом, традициями, культурой, религиозной верой, в деле успешного развития приоритетных практических сфер сотрудничества.

Первым после установления дипломатических отношений между СССР и Пакистаном в мае стало двухстороннее торговое соглашение (1956). Отправной точкой в развитии экономического сотрудничества явилось мартовское соглашение 1961 г., за которым последовало развитие научно-технических и культурных связей во 2-й половине 60-х гг. Удивительным образом пакистанские философы инициировали связь с коллегами в СССР раньше многих других. За два месяца до упомянутого выше мартовского соглашения Институтом философии АН СССР было получено приглашение принять участие в работе Пакистанского философского конгресса (11–14 января 1961, Карачи). Поразительно и то, что советская бюрократия сработала исключительно быстро, дав разрешение ученым вылететь в срок. В состав делегации вошли заместитель директора Института философии Е. В. Шорохова, главный редактор журнала «Вопросы философии» В. С. Семенов и один из самых молодых сотрудников Института. Им оказалась в силу счастливых обстоятельств я, выпускница восточного факультета университета, получившая в 1959 г. направление на работу в Институт философии. Объяснялось это тем, что шла подготовка пятитомной истории философии, и ИФ РАН требовались сотрудники, владеющие восточными языками, я же владела языком урду. Поездка в Пакистан была для меня невероятной удачей, воистину судьбоносной.

Шесть лет университетского образования позволили не только овладеть языком урду, но и дали знания по истории и культуре Индии в целом и индийских мусульман в частности. Благодаря замечательному преподавателю, индийскому мусульманину Зое Ансари я увлекалась переводами, некоторые из которых были опубликованы. Более того, мой магистерский диплом был посвящен творчеству Саадата Хасан Манто — выдающегося мастера короткого рассказа, которого сравнивали с Чеховым на языке урду. Но все это были книжные знания, несравнимые с пребыванием в стране, народ которой исповедовал ислам и говорил на урду.

Нашей делегации посчастливилось участвовать в работе Пакистанского философского конгресса, руководимого его основателем и пожизненным президентом Мухаммад М. Шарифом (1893–1965), признанным авторитетом среди мусульманских философов Индии и Пакистана. Примечательно, что именно он был президентом Индийского философского конгресса до образования Пакистана.

Мухаммад Шариф получил начальное и среднее образование в Англо-восточном колледже Алигарха и в Алигархском мусульманском университете. После присвоения степени бакалавра по философии продолжил учебу в Великобритании, где в Университете Кембриджа получил степень магистра, а затем защитил докторскую диссертацию под научным руководством известного английского философа Джорджа Эдварда Мура, который вместе с Бертраном Расселом, Людвигом Витгенштейном был одним из основателей аналитической традиции философии. По возвращении на родину М. Шариф заведовал кафедрой философии Алигархского мусульманского университета. В 1945 г. стал директором Института исламской культуры (Лахор). До конца жизни оставался членом Совета по исламской идеологии и профессором *Islamiyah College*. Самый прославленный его труд — фундаментальная двухтомная «История мусульманской философии», в которой он выступил в качестве разработчика концепции, составителя и автора многих статей [Sharif, 1963–1966].

Благодаря профессору М. Шарифу нашей делегации было уделено большое внимание. Несмотря на мой возраст и то, что я была лишь начинающим научным сотрудником, меня окружили заботой и оказали бесценную поддержку в занятиях по изучению пакистанской философии. Видимо, сыграла роль эмоциональная реакция пакистанцев на то, что я общалась с ними и выступила с докладом на ураду.

Профессор Шариф подарил собственные монографические труды, на которые и по сей день я ссылаюсь в своих книгах и статьях. Особенно часты ссылки на онтологическую концепцию «диалектической монадологии», в основу которой им положены атомистические построения *калама* [Sharif, 1952]. Вслед за приверженцами *калама* — *мутакаллимами* — М. Шариф утверждал, что вся Вселенная и каждое тело в ней состоят из мельчайших неделимых частиц, которые он именует монадами. Монады — один из трех типов бытия. Первый — конечное Бытие (Бог). Второй — духовные сущности (монады). Третий — пространственно-временной мир ощущений. Все в мире, начиная с электрона и кончая человеком, представляет собой духовные монады, порождаемые Богом. Поскольку Он имманентен каждой из них, монады вечны, неделимы и невидимы. Низшие монады пользуются меньшей свободой, чем высшие. Божественная свобода — источник одновременно детерминированности и свободы монад. Монадология Шарифа во многом напоминает теорию монад Лейбница, однако он отрицал принцип непроницаемости монад, утверждая их взаимодействие и даже взаимопроникновение. Шариф «дополняет» также принципы Лейбница диалектикой, утверждая, что монады по своей природе диалектичны, процесс развития в них протекает по триадам: движение «я» через «не-я» или, скорее, «еще не-я» к синтезу обеих в более развитое «я». Построения М. Шарифа интересны тем, что в них онтологическая схема исламской схоластики выражена в западных философских терминах и понятиях. Это позволяет представить мусульманскую традицию как вполне вписывающуюся в то, что принято считать мировыми философскими стандартами. Еще более существенным является «диалектическое» переосмысление мутакаллимовской атомистики, подводящее идейное обоснование под процесс развития во всех его проявлениях — природных и общественных. Это не следует называть синтезом. Скорее это было стремлением «перевода» философских идей собственной традиции на «язык» западной философии с целью презентации

мусульманских традиций доступными внешнему миру средствами, не ограниченными культурно-цивилизационными рамками, тем самым способствуя складыванию некоего общего языка, необходимого для взаимопонимания. С другой стороны, использование различных философских языков оказывалось благотворным не только для более полного выражения, но и для раскрытия различных культурных опытов, тем самым стимулируя в конечном счете процесс философствования как таковой.

В целом мне подарили два больших ящика книг и журналов, включая комплекты Pakistan Philosophical Journal и Iqbal Review. Этот книжный «клад» позволил мне подготовить и защитить в 1963 г. диссертацию, на основе которой в 1967 г. была опубликована монография по философии в Пакистане, вскоре переведенная на английский язык и опубликованная в Пакистане [Степанянц, 1967; Stepanyants, 1972].

Публикация неожиданно привлекла внимание за рубежом (в Англии и Германии) еще до того, как ее издали в Пакистане [Hubert, 1967; Braker, 1969] до наступления происшедших в стране политико-идеологических перемен, поскольку рецензенты обратили внимание на отличие моего отношения к исламу по сравнению с ранее доминирующим в трудах известного советского атеиста Л. И. Климовича.

Наиболее важными для меня были две рецензии в газете «Пакистан Таймс». Автор первой — профессор К. А. Кадира (который после смерти М. М. Шарифа стал президентом Пакистанского философского конгресса) — в частности, писал: «Эта замечательная маленькая книга написана с пониманием и добрым чувством. Она полна мудрости и должна быть прочитана всеми, кто интересуется современными проблемами Пакистана» [Qadir, 1972]. Журналист-обозреватель под псевдонимом «ZENO» счел уместным отметить: «Эта небольшая книга, объемом всего в 150 страниц, содержит гораздо больше интеллектуального мяса, чем многие толстые тома, написанные на ту же тему отечественными и иностранными авторами» [Zeno, 1972].

Упомянутые рецензии поддерживали меня в решимости не поддаваться критике со стороны некоторых отечественных коллег, которые утверждали, что моя работа вызовет «антисоветские протесты» (по этому поводу даже был написан донос директору издательства «Восточная литература» Олегу Дрейеру).

М. М. Шариф умер в 1965 г., а потому наша вторая встреча с ним не могла состояться, когда я вторично принимала участие в работе Пакистанского философского конгресса (12-й сессии) в Лахоре. Наконец, в 1973 г. мне удалось побывать в Пакистане в связи с празднованием столетия прославленного Lahore Oriental College, выпускником которого был Мухаммад Икбал. Впоследствии личная жизнь сложилась таким образом, что больше посетить Пакистан не удалось, но это не помешало мне практически все последующие годы продолжать писать об Алламе Мухаммаде Икбале, которого я ценю как самого просвещенного мусульманского мыслителя XX в.

Об этом я говорила в докладах и выступлениях не только на научных конференциях в СССР, но и на сессиях Всемирного философского конгресса (Великобритания, Турция, Греция, Корея, Китай), а также на «Конгрессах философов Востока и Запада» (США, Гонолулу), на международных конференциях в Египте, Индии, Иране, Канаде, Марокко, Турции, США. Публиковала статьи о философских взглядах Икбала в российских энциклопедиях; включала разделы о мировоззрении Икбала в различные учебные пособия, в университетский учебник-антологию по восточным философиям (три издания на русском языке, одно — на английском) [Степанянц, 1997, 2002, 2011]. Главное же, что удалось подготовить и опубликовать 2 издания

академического перевода знаменитых лекций М. Икбала «Реконструкция религиозной мысли в исламе» [Степанянц, 2002, 2020].

Благодаря философскому наследию Мухаммада Икбала мне посчастливилось встретиться за пределами Пакистана с рядом видных пакистанских интеллектуалов. Прежде всего я имею в виду Хафиза Малика, профессора истории и политических наук университета Виллановы (Пенсильвания). Как ответственный редактор 7-го тома «Икбал» в серии «Studies in Oriental Culture» Columbia University, он пригласил меня принять участие в подготовке указанного тома. В 1971 г. по счастливой случайности я оказалась в Нью-Йорке в составе делегации советских женщин. Хафиз воспользовался возможностью встретиться (до этого мы только переписывались) и специально приехал из Виллановы, чтобы вручить только что опубликованный том с моим участием [Stepanyants, 1971, p. 301–310]. Эта встреча положила начало нашей многолетней переписке и еще нескольким встречам.

В январе 1995 г. на Гавайях в Гонолулу проходила VII Конференция философов Востока и Запада» (East-West Philosophers' Conference). КФВЗ положили начало институциональному оформлению мирового дискурса по сравнительной философии. Конференции всегда проводятся Гавайским университетом и отличаются высочайшим профессиональным уровнем приглашенных участников. Мне выпала честь в течение пяти лет заниматься подготовкой конференции в качестве ее директора, а затем выполнять роль президента высокого форума. В качестве пленарных докладчиков приглашались преимущественно представители западной, китайской, индийской и японской философских традиций. Используя свое право руководителя Программного Совета, я решила обеспечить участие интеллектуалов до этого игнорируемого мусульманского мира, пригласив в качестве пленарных докладчиков специалистов из Египта, Иордании, Пакистана и Ирана. Тема конференции «Справедливость и демократия: кросс-культурные перспективы» сказалась на выборе наиболее удачного пакистанского участника — наилучшим мог быть Джавед Икбал, сын всемирно известного поэта и философа Мухаммада Икбала, имеющий блестящее философское и правовое образование (Университет Кембриджа), многолетнюю адвокатскую и судебскую практику в Верховном суде Пакистана и, наконец, — парламентский опыт как избранный член Сената (Верхней палаты парламента Пакистана).

Выступление Джаведа Икбала стало одним из лучших, поэтому было включено в сборник избранных текстов VII Конференции [Iqbal J., 1997, p. 241–256]. Я считаю, что успех был обусловлен тем, что он опроверг два распространенных стереотипа.

Первый касается правовой системы ислама, которая якобы принципиально несовместима с демократией. Джавед Икбал отмечал ошибочность этой точки зрения, ссылаясь на то, что пророк Мухаммед «как глава нового государства, не был обязан советоваться с другими. Но он советовался со своими сподвижниками по всем вопросам, кроме тех, которые касались откровения, в соответствии с повелением, адресованным ему в Коране, о том, что он должен советоваться с ними в делах и, приняв решение, он должен уповать на Бога (сура 3:159) [Iqbal J., 1997, p. 241].

Повеление Пророка было призвано подчеркнуть важность «консультаций» (*шур*) с мусульманами в управлении общественными делами. Сообщается, что Пророк сказал: «Разхождения во мнениях в моей общине являются проявлением Божественного Милосердия» и «Моя община никогда не примет ошибки» [Iqbal J., 1997, p. 241]. Пророк всегда советовался с группой видных членов общины по вопросам ведения общественных дел. Это был консультативный орган, и впоследствии этой практике последовали его преемники, праведные халифы (632 г.н.э.—661 г.н.э.).

Второй стереотип, опровергнутый Джаведом Икбалом, заключается в том, что справедливость достижима только западной демократической системой. Полагаю, что тема конференции была задумана как демонстрация обоснованности притязаний западного мира на исключительное обладание практикой демократического государственного устройства. Однако, в отличие от американских и европейских участников, представители Индии, Китая, Кореи, СССР и стран мусульманского мира аргументировали возможность и, более того, необходимость демократической правовой системы, учитывающей исторический опыт и культурно-религиозные традиции.

В связи с этим Джавед Икбал напомнил, что «Мухаммад Икбал был единственным мыслителем, который использовал выражение «духовная демократия» для определения исламского государства. Однако если государство является неотъемлемой частью ислама, концепция Аллама Икбала, по крайней мере в политическом смысле, была отходом от общепринятого мнения. Но следует понимать, что традиционная литература об исламском политическом устройстве была составлена в то время, когда мир ислама был затронут абсолютной, или, скорее, извращенной монархией и когда, по словам Икбала, политические идеалы ислама были «репаганизированы» [Iqbal J., 1997, p. 243].

* * *

Пакистан для меня всегда олицетворял Аллама Мухаммад Икбал. Это объясняет, почему в течение 60 лет академической карьеры я сохраняла интерес к написанию статей о его философии. Имея в виду будущие поколения, я назвала недавнюю статью [Степанянц, 2022, с. 13–25], используя самооценку Икбала в широко известной его поэме «Тайны самости», —

«Я голос поэта завтрашнего дня».

Молодым поколениям адресован первый на русском языке учебник по восточным философиям для студентов университетов, в котором к лекционному курсу приложена антология избранных источников, переведенных на русский язык, включая заключительную лекцию из «Реконструкции религиозной мысли в исламе» Мухаммад Икбала [Степанянц, 1997, 2002, 2011].

Источники и литература/ Sources and References

Икбал М. *Реконструкция религиозной мысли в исламе* [Iqbal M. *Rekonstrukcija religioznoj mysli v islame* (in Russian)]. Пер. с англ., предисл. и коммент. Степанянц М. М.: «Восточная литература», 2002; М.: ООО «Садра», 2020.

Степанянц М. *Философия и социология в Пакистане. Очерки*. [Stepanyants M. *Filosofiya i sociologiya v Pakistane. Oчерki* (in Russian)]. Москва: «Наука», 1967; Pakistan: Philosophy and Sociology. Lahore: People's Publishing House, 1972.

Степанянц М. *Восточная философия. Вводный курс и избранные тексты* [Stepanyants M. *Vostochnaya filosofiya. Vvodnyj kurs i izbrannye teksty* (in Russian)]. М.: «Восточная литература», 1997; 2002.

Степанянц М. *Восточные философии. Учебник для вузов* [Stepanyants M. *Vostochnye filosofii. Uchebnik dlya vuzov* (in Russian)]. М.: «Академический проект», 2011.

Степанянц М. Мухаммад Икбал. «Голос поэта завтрашнего дня» / *Мухаммад Икбал. Развитие метафизики в Персии: к истории мусульманской философии* [Muhammad Iqbal. *Razvitie metafiziki v Persii: k istorii musul'manskoj filosofii* (in Russian)]. Под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. Московский исламский ин-тут; Санкт-Петербургский гос. ун-т. Серия «Возрождение и обновление». Мыслители XIX века. Книга девятая. М.: ИД «Медина», 2022. С. 13–25.

Braker H. Kommunismus und Islam. Religionsdiskussion und Islam in der Sowjetunion. *Kommunismus und Weltreligionen Asiens. Zur Religions — und Asienpolitik der Sowjetunion*, Bd. 1, 1. Tübingen, Mohr, 1969.

Iqbal J. Democracy and Justice: Islam' Political Message Restated / *Justice and Democracy: Cross-Cultural Perspectives*. Eds. Ron Bontekoe and Marietta Stepaniants. University of Hawaii Press. Honolulu, 1997. Pp. 241–256.

Hubert E. Recent Soviet Writing on Pakistan. *Central Asian Review*. L., 1967. Vol. XV. No. 2. Pp. 148–156.

Qadir C. Contemporary Pakistan Philosophy. *The Pakistan Times*, Lahore. 24.12.1972.

Sharif M. (Ed.) *A History of Muslim Philosophy*. Vol. I–II. Wiesbaden, 1963–1966; *A History of Muslim Philosophy*. Vol. 1–8. Al-Islam, org.

Sharif M. Dialectical Monadism. *The Contemporary Indian Philosophy*. L., 1952.

Stepanyants M. Demise of Fatalism / *Iqbal. Poet-Philosopher of Pakistan*. Ed. Hafeez Malik. N.Y.-London: Columbia University Press, 1971. Pp. 301–310.

Stepanyants M. *Introduction to Eastern Thought*. Walnut Creek-Lanham-New York-Oxford: AltaMira Press. A Division of Rowman & Littlefield Publishers, INC., 2002.

Zeno. As Others See Us. *The Pakistan Times*. 13.10.1972.